

УДК 82.0

КОНЦЕПЦИИ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОМ ЗАПАДНОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Ольга Всеволодовна Переходцева

аспирант кафедры зарубежной литературы и журналистики

Саратовский государственный университет

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83. olga.perehodzeva@gmail.com

Дается обзор основных концепций памяти в современном западном литературоведении, предпринимается попытка их систематизации на основе критического анализа классификации А.Эрл и А.Нюннинга. Рассматриваются три основных подхода: память символической системы «литература» (интертекстуальность как память литературы, проблема памяти жанра, канон как институционализованная память литературоведения), репрезентация памяти в литературе, литература как средство передачи культурной памяти. Обсуждается тенденция к оформлению изучения памяти в отдельное направление, вызванная актуальностью данной проблемы, подчеркивается ее междисциплинарный характер.

Ключевые слова: индивидуальная память; культурная память; коллективная память; мнемотехника; интертекстуальность; жанр; литературный канон.

В течение двух последних десятилетий в гуманитарных науках, в том числе в литературоведении, исследования по проблематике памяти выделились в особую отрасль.

Теоретическое осмысление памяти начиналось с наблюдения за индивидуальной памятью, затем распространилось на память коллективную, а позже коснулось и памяти культурной. На рубеже XIX–XX вв., когда в сознании человека Запада убыстрение темпов экономической и социальной жизни отражалось как ускользание самих ее основ, распад целостности (пространственно-временного континуума, системы общественных ценностей, фрагментация психологии личности), возникают теории памяти, впервые выстроенные на полноценных психологических исследованиях функций и механизмов памяти. В них процесс воспоминания представлялся как сугубо индивидуальный акт. Так понимали память французский философ-интуитивист Анри Бергсон, изложивший свою концепцию памяти в монументальном труде «Материя и память» (*Mattier et memoire*, 1896) (см.: [Бергсон 1999: 414–643]), американский психолог Уильям Джеймс, видевший в памяти часть «потока сознания» (*The Principles of Psychology*, 1890) (см.: [James 2007]), Зигмунд Фрейд в эссе «Записки о волшебном блокноте» (*A Note upon the "Mystic Writing Pad"*, 1925) (см.: [Freud 1963. P.207–212]).

Ученик Бергсона Морис Хальбвакс в новаторской книге «Коллективная память» (*La Mémoire*

collective, 1950) (см.: [Halbwachs 1980]) впервые показал социальный компонент памяти. Первый перевод книги Хальбвакса на английский язык в 1980 г. вызвал всплеск научных исследований социального, коллективного измерения памяти и ее роли в формировании общностей нации, государства.

Наконец, двадцать лет назад Ян Ассман предложил теорию культурной памяти (*Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*, 1992). В предисловии к книге он называет несколько причин ускоренного роста интереса к проблематике памяти [Ассман 2004 (1992): 11–12]. Переход на новые электронные носители информации на рубеже XXI в. инициировал культурную революцию, сравнимую с изобретением книгопечатания, а ранее – письма. Уже сформировавшаяся, по его мнению, «посткультура» ведет пересмотр всей предыдущей культурной традиции, что актуализирует проблему культурной памяти. Вторая причина затрагивает людей более личным образом. Поколение очевидцев катастрофических событий XX в., в первую очередь мировых войн, геноцида еврейского народа, сейчас постепенно уходит из жизни: наступает рубеж эпох, по истечении которого живое воспоминание становится на грань исчезновения.

Ассману вторит французский историк Пьер Нора. Он считает, что в современных условиях «акселерации истории» настоящее мгновенно становится частью прошлого, а далекое прошлое

бесследно исчезает. Нора различает «память» – социализованную, ненарушенную, представленную в так называемых примитивных и архаических обществах и «историю», с помощью которой забывчивое современное общество организует прошлое. Для Нора память – это лично пережитый опыт; живая память находится в состоянии эволюции, открыта диалектике вспоминания и забывания и существует в настоящем. Наоборот, история – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, что уже в прошлом. С исчезновением традиционной крестьянской культуры, пишет Нора, спонтанная память перестает существовать. Нам приходится создавать архивы, организовывать празднования годовщин, так как эти ритуалы памяти больше не происходят естественным путем («We speak so much of memory, because there is so little of it left» [Nora 1989: 7]). Нора выступил редактором влиятельной антологии (*Les Lieux de Memoire*, 1984–1992), где рассматриваются места памяти, вокруг которых формируется французская коллективная память.

Вырастает новая научная парадигма, в основании которой находится категория памяти: «вокруг понятия воспоминания складывается новая парадигма наук о культуре, благодаря которой разнообразнейшие феномены и области культуры – искусство и литература, политика и общество, религия и право – предстают в новом контексте» [Ассман 2004 (1992): 12].

С 2008 г. издается научный журнал «Memory Studies», который публикует исследования о социальных, культурных, когнитивных и политических контекстах, «affecting how, what and why individuals, groups and societies remember, and forget» [Memory Studies 2008]. Издатели журнала отмечают, что, несмотря на эпистемологическую значимость памяти в исследованиях личностной и коллективной идентичности, культуры и политики, до сих пор нет согласия по поводу базовых концепций и методов исследования. Труды этого журнала объединяются проблемой памяти, а не методом или традицией. В 2009 г. издательство Пэлгрейв Макмиллан запустило серию научных монографий, в центре которых проблематика, заявленная Ассманом: «a shift from concern with historical knowledge of events to that of memory, from “what we know” to “how we remember it”; changes in generational memory; the rapid advance of technologies of memory; panics over declining powers of memory, which mirror our fascination with the possibilities of memory enhancement; and the development of trauma narratives in reshaping the past» [Palgrave Macmillan Memory Studies 2009].

Современная работа по теоретизации памяти распадается на несколько направлений. Так, на-

пример, авторы антологии «Теории памяти» [Theories of Memory: A Reader 2007: vi–vii] выделяют следующие области исследований: коллективная память (общественная, социальная, та, которую разделяет некая группа); память катастрофы и травмы и вытекающее из нее отдельное направление – память Холокоста; гендерная память, память и феминизм; память в формировании нации; память и политика идентичности. Данная «мемориальная парадигма» приобрела успешное распространение и в современном отечественном литературоведении (см.: [Житенев, Тернова 2011]).

Представители всех подходов к изучению памяти согласны только в том, что в самом общем представлении память – это способность накапливать, хранить и воспроизводить информацию, что исходит еще от платоновского сравнения памяти с восковой табличкой. «This tripartite distinction between *encoding*, *storage* and *retrieval* has persisted among scientific investigation to the present day» [Foster 2009: 6]. При этом западные исследователи не стараются дать всеобъемлющего определения категории памяти. Например, Энн Уайтхед, пытаясь восстановить историю категории памяти в западной мысли, называет ее вслед за Мике Баль «странствующей концепцией» (a travelling concept) (см.: [Bal 2002]), так как она «путешествует» сквозь научные дисциплины, исторические эпохи, при этом изменяя свое значение, которое следует уточнять в каждый конкретный момент относительно данного контекста эпохи или философского направления. Уайтхед утверждает, что именно диахроническое прочтение значений категории памяти дает необходимую полноту для ее понимания (см.: [Whitehead 2009: 3–4]).

И в литературоведении не существует единого подхода к рассмотрению памяти. Многие исследователи (Питер Мидлтон (см.: [Middleton 2000]), Астрид Эрл и Ансгар Нюннинг) отмечают ее недостаточное теоретическое осмысление, в то время как сама проблема активно разрабатывается на практике. Эрл и Нюннинг задались вопросом, существуют ли концепции памяти, специфические для литературоведения, или же любое обращение к памяти означает уход на территорию другой дисциплины, будь то психология, культурология или социология, и предприняли попытку систематизации основных подходов к памяти в литературоведении [Erll, Nunning 2005: 261–294]. Они выделили три самые влиятельные концепции памяти в литературоведении, которые достаточно эмпирически сформировались к настоящему моменту: память литературы, память в литературе и литература в культурной памяти. Пройдем вслед за немецкими учеными в последовательном рассмотрении их классифика-

ции подходов к исследованию памяти в литературоведении, привлекая для конкретизации и иллюстрации работы, в статье Эрл и Нюннинга не упомянутые, и в заключение предложим соображения о месте проблематики памяти в литературоведческих исследованиях.

«Память литературы» (*memory of literature*) – это концепция, приписывающая символической системе «литература» свойство памяти, согласно которой литературные произведения и их эстетические формы «помнятся» авторами, читателями, институтами. Следующие три аспекта памяти литературы актуализируются в диахроническом измерении литературы: интертекстуальные связи как память литературы, жанр как категория литературной памяти, литературный канон и история литературы как институционализируемая память литературоведения и общества. Это особенно разветвленная концепция, каждый аспект которой требует отдельного внимания.

Исследование интертекстуальной памяти литературы простирается от изучения традиционных тем, метафор и тропов в литературе до постструктуралистского феномена цитат без кавычек. Данный аспект восходит к античной мнемонической традиции классической риторики, иначе, к «искусству памяти».

«Искусство памяти» – это метод мнемотехники, развивавшийся в античной Греции и древнеримской риторике, который разрабатывал специальные приемы для улучшения индивидуальной памяти и систематизации информации, требуемой для запоминания. Как именно «искусство памяти» связано с литературой, покажем на примере влиятельной книги Франсес Йейтс (*The Art of Memory*, 1966) (см.: [Йейтс 1997]). Она начинается с легендарного изобретателя этого искусства греческого поэта Симонида Кеосского, который помог опознать тела гостей, погибших под обвалившейся во время пира крышей, благодаря тому, что запомнил, как они были рассажены вокруг стола. Открытие того, что пространственная организация воображаемых образов может использоваться в качестве основы для запоминания, и вдохновила поэта на изобретение искусства памяти. С тех пор искусство памяти функционировало по принципу соотнесения мест и образов. Для запоминания в воображении требовалось разместить яркие образы внутри какого-либо пространства, после чего, «проходя» по этому пространству, можно было «встретить» образы.

Ф.Йейтс восстанавливает историю «искусства памяти» от его использования в античной риторике, через религиозное воображение средневековой памяти, великие магическо-герметические системы памяти Возрождения – Дж. Бруно и Дж.

Камилло, которые создавали «театры памяти», где упорядочивалось все универсальное знание о мире. Ф.Йейтс привлекает и материал литературы, например, рассматривает «Божественную комедию» Данте как систему мест памяти, отсылающую нас к принципу «мест и образов», где пространства уровней дантовского мира наполнено яркими образами-аллегориями, предназначенными для запоминания в назидание христианскому сознанию. За последние два десятилетия особенно много работ об «искусстве памяти» было посвящено средневековой системе организации и запоминания знаний, например работы Мари Карузере (см.: [Carruthers 1990]). Тесная взаимосвязь литературы и искусства памяти основана на том, что обе культурные практики создают образы для запоминания и сохранения. Благодаря этой группе работ образ «театра памяти» все чаще встречается в современной художественной литературе.

Концепция интертекстуальности как памяти литературы восходит к теории интертекстуальности Юлии Кристевой. С точки зрения постструктуралистской теории, память литературы оказывается не чем иным, как ссылками на предшествующие тексты, которые содержит новое произведение, причем предшествующие тексты актуализируются и переосмысляются.

Эрл и Нюннинг относят в разряд «интертекстуальности» и концепцию Хэролда Блума, изложенную в книге «Страх влияния» (*The Anxiety of Influence*, 1973). Блум на примере английской романтической поэзии показал, в чем заключается страх влияния, который он понимает в психоаналитическом смысле как страх молодого поэта-сына перед влиятельными творениями поэта-отца. Творчество является результатом пересмотра непосредственно предшествующей традиции: «Every poem is a misinterpretation of a parent poem» [Bloom 1973: 94]. Блум выделяет несколько способов этих «пересмотров» – «revisionary ratios» [ibid.: 14], которые заключаются в интертекстуальной актуализации элементов прежних традиций. Таким образом, память о более ранних текстах всегда присутствует в новых, что и является основой динамики литературного процесса.

Последовательно сопоставила память с категорией интертекстуальности Рената Лахман, которая интерпретирует интертекстуальность как систему «мест памяти» литературы: «[intertextuality is] a mnemonic space that unfolds between texts, and the space of memory inside concrete texts that is constructed by the intertexts registered in them» [Lachmann 1997: xxiv]. Для литературоведения, пишет Лахман, центральной проблемой является определение того, как взаимодействуют мнемоническое *imaginatio* и поэтиче-

ское воображение: «When literature is considered in the light of memory, it appears as the mnemonic art *par excellence*. Literature is culture's memory, not as a simple recording device but as a body of commemorative actions. Literature inscribes itself in a memory space into which earlier texts have inscribed themselves. It does not leave these earlier texts as it finds them but transforms them by absorbing them» [Lachmann 2004]. Литература у Лакман – это одна из мнемонических конструкций мира.

Любопытно, что, рассматривая память как интертекстуальность, Эрл и Нюннинг по сути показывают, что в этом подходе наиболее продуктивным для литературоведения оказывается обращение к концепциям античной риторики. По видимому, парадоксальное положение объясняется тем, что риторика обеспечивает концептуальный аппарат для объяснения того, как процесс соединения мест и образов, предназначенный для индивидуального запоминания, приобретает коллективное и диахроническое измерение. Литература воспринимает пять шагов классической риторики (*inventio, dispositio, elocutio, memoria* и *actio*) как круг. В литературе *memoria* не относится к запоминанию того, что уже существует, а обеспечивает основу для создания новой литературы.

Второй аспект концепции памяти литературы как символической системы – память и жанр. Эрл и Нюннинг выделяют три аспекта отношений памяти и жанра: «память литературных жанров» (*the memory of literary genres*), «индивидуальное автобиографическое воспоминание» (*genre memories*) и жанры памяти (*memory genres*) – исторический роман, мемуары и биография, которые играют значительную роль в создании культурной памяти и ее смыслов.

Особенно хорошо освоенным в отечественном литературоведении является первый из этих аспектов, чем мы больше всего обязаны М.М.Бахтину. Западные исследователи также во многом опираются на его наследие (см.: [Renfrew 2006]). Бахтин разработал теорию жанра как целостного типа художественного высказывания, имеющего свое исходное, генетическое, содержание и свою память: «Жанр живет настоящим, но всегда помнит свое прошлое, свое начало» [Бахтин 2002 (1929): 61]. В «Проблемах поэтики Достоевского» (1929) он писал о том, что, когда художник обращается к материалу, закрепленному за неким жанром, на почве современности, память жанра срабатывает помимо интенций автора, и сегодняшнее творчество оказывается выражением исторического опыта жанра: «Говоря несколько парадоксально, можно сказать, что не субъективная память Достоевского, а объективная память самого жанра, в котором он работал,

сохраняла особенности античной мениппеи» [там же: 71].

Для объяснения тесного взаимодействия литературного и индивидуального уровней на примере памяти жанров Эрл и Нюннинг пользуются терминами рецептивной критики. Литературные жанры и их формальные характеристики тесно связаны с тем, что Г.Г.Яусс называет «горизонтом читательских ожиданий». Особенности формы, свойственные определенным жанрам, являются элементами коллективной памяти и как таковые принадлежат к общему знанию общества, которое индивиды приобретают через социализацию.

Трудно переоценить культурную важность жанровых конвенций. Владение ими не просто определяет уровень восприятия литературы индивидуальным читателем – они являются еще и моделью для наших реконструкций и интерпретаций собственного жизненного опыта. Люди выстраивают свои автобиографии, основываясь не только на памяти и интерпретации событий своего прошлого, но и на своих «жанровых воспоминаниях». Существует много исследований о нарративной природе воспоминаний. Так, Джером Брунер в своем эссе «The Narrative Construction of Reality» подчеркивает: «we organize our experience and our memory of human happenings mainly in the form of narrative» [Burner 1994: 4]. Через жанровые структуры до-нарративный опыт реальности символизируется, организуется и интерпретируется – и благодаря этому становится доступным другим людям. Жанры являются конструирующей моделью для индивидуальной памяти, придавая определенную форму опыту.

Третий аспект концепции памяти литературы (*memory of literature*) – литературный канон и история литературы как институционализованная память литературоведения и общества. Теории интертекстуальности и жанров представляют собой подходы, в которых рассматривается память символической системы «литература», в то время как формирование канона и истории литературы – это центральные механизмы, с помощью которых память литературы поддерживается в обществе. В классификации Эрл и Нюннинга проблема канона занимает пограничное положение, так как соотносится с третьей концепцией – «литература в передаче культурной памяти», о которой подробнее будет сказано ниже. В этом случае авторы акцентируют одну сторону проблемы канона и понимают его как корпус текстов, значимых в первую очередь для внутрилитературной памяти, а не для культуры в целом.

За канон отвечают экспертные институты (литературоведение, историческая наука, религиоведение и др.), которые постоянно формируют и

переформируют канон литературных текстов, выстраивают его с точки зрения «ценности» для передачи следующему поколению. «Канон» – термин, который изначально относился к корпусу священных текстов; созданием историй литературы, учебников и антологий литературоведение «освящает» определенную часть прошлого, поддерживает культурную память. Через исследование формирования канонов и теоретическое осмысление того, как пишутся истории литературы, дисциплина рефлексует над своими социальными функциями: «the creation of collective identities, the legitimization of societal and political relationships, as well as the upholding or undermining of value systems» [ErlI, Nünning 2005: 278].

Следует отметить, что понятие литературного канона и рефлексия по его поводу – явление относительно недавнее. Феминистская критика в начале 1970-х гг. потребовала включить в канон авторов, ранее считавшихся маргинальными (см.: [Ezell 1996]), т.е. прежде всего женщин. Постструктуралистские критики вообще ставили под сомнение функциональность канона. Особую политическую остроту дебатов вокруг канона приобрели в США; в американской критике эту проблему назвали «The Great Canon Controversy» и «The Culture Wars» (см.: [Gregory 1997]) в связи с ростом постколониалистской и «мультикультуральной» критики.

В немецкоязычном мире, как пишут Эрл и Нюннинг, проблема канона повернулась иной стороной: «The theoretical interest of literary historiography was directed less towards the historical process of literature itself as the process of its insight, interpretation and representation through literary historiography» [ErlI, Nünning 2005: 279]. На первый план выступил тезис о сконструированности любой литературной истории, о социально-политической обусловленности механизмов и критериев отбора авторов и произведений; в результате сегодняшнее литературоведение наблюдает за собственной деятельностью и с историко-культурной точки зрения, и с точки зрения теорий памяти.

Занимающиеся проблемами канона исследователи редко используют термин «память», считая понятие канона самодостаточным. Одна из работ, где память напрямую и оригинально связывается с понятием канона, – книга Хэролда Блума «Западный канон» (The Western Canon, 1994). Канон для него важен на уровне не коллективной, а индивидуальной памяти. Блум возвращается к концепции мнемонической памяти для объяснения важности канона; «forget the canon as a list of books for required study», по Блуму, канон «will be seen as identical with the literary Art of Memory, not with the religious sense of canon» [Bloom 1995: 17]. Как в классической мнемотех-

нике, связь между местами и образами выстраивается в сознании отдельного читателя, чья память поддерживается каноном: «What I believe to be the principal pragmatic function of the Canon: the remembering and ordering of a lifetime's reading. The greatest authors take over the role of 'places' in the Canon's theatre of memory, and their masterworks occupy the position filled by 'images' in the art of memory. Shakespeare and *Hamlet*, central author and central drama, compel us to remember not only what happens in *Hamlet*, but more crucially what happens in literature that makes it memorable and thus prolongs the life of the author» [ibid.: 37].

Второй принципиальный подход к изучению постановки проблем памяти в литературоведении – концепция *памяти в литературе* (memory in literature) – занимается изучением репрезентаций механизмов памяти в литературном произведении. Здесь в центр становятся отношения между литературой и внехудожественной реальностью.

Такого рода исследования основываются на аристотелевской концепции мимесиса: «...первым опытом рассмотрения художественного творчества как познания явилась теория подражания (мимесиса)» [Хализев 2007: 39]. Соответственно возникает термин «мимесис памяти», относящийся ко всем формам репрезентации функций, процессов, свойств памяти (индивидуальной, коллективной) в литературном произведении.

Отношение литературы с внехудожественными дискурсами памяти и отдельные литературные формы репрезентаций памяти привлекали внимание литературоведов с момента создания эпопеи М.Пруста, основанной на психологической концепции произвольного, ассоциативного воспоминания. После Пруста память в литературе стала исследоваться как самостоятельная проблема, а сам текст ввиду его специфики остается вершиной литературы памяти, в том числе и для современных исследований. Среди них преобладают немецкоязычные работы (см.: [Düsing 1982; Glomb 1997; Rist 1999; Loschnigg 1999; ErlI 2002; Dehne 2002]). Англоязычные монографии о памяти в литературе принадлежат Сюзан Налбантьян [Nalbantian 2003], Эвелин Эндер [Ender 2005], Энн Уайтхед [Whitehead 2009], Филиппу Вулфу [Wolf 2002].

Отличительной чертой этого подхода является опора на данные естественных наук, которые занимаются изучением памяти, – физиологии мозга, нейробиологии и психологии. Например, Сюзан Налбантьян использует художественные тексты как лабораторию, в которой в наглядной форме показываются механизмы работы памяти. Она придерживается компаративного метода и анализирует произведения в контексте совре-

менных им естественно-научных теорий памяти. В книге рассматриваются произведения Жан-Жака Руссо, Рембо, Бодлера, Пруста, Вульф, Джойса, Фолкнера, поэзия сюрреалистов Бретона, Аполлинера, и др. Эвелин Эндер рассматривает все тексты (Джордж Элиот, Вирджиния Вульф, Жерара де Нервала) через призму Пруста, чью эпопею «В поисках утраченного времени» она называет «архитекстом памяти». Энн Уайтхед прослеживает историю концепции памяти от Древней Греции и до наших дней, опираясь при этом на основополагающие философские работы от Платона до Фрейда и на художественные тексты, в первую очередь на «Исповедь» Руссо и «В поисках утраченного времени» Пруста. Филипп Вульф считает, что с утверждением культурной парадигмы Нового времени во второй половине XVII в., когда индивидуальное стало преобладать над универсальным, наблюдается упадок культурной памяти. Этот процесс в литературе нового времени исследователь раскрывает на примере произведений, выстроенных в хронологической последовательности от Джона Донна до Дона ДеЛилло. Акцент в двух последних указанных работах сделан не на психологии индивидуального воспоминания, а на историко-культурном пласте концепций памяти.

Исследования в рамках «мимесиса памяти» обнаруживают в литературных текстах концепции памяти, сформировавшиеся в психологии и философии, а также в истории, социологии, культурологии и др., и показывают, как литературные репрезентации механизмов памяти развиваются вместе с развитием этих дисциплин. В рамках этого подхода художественные тексты рассматриваются в качестве иллюстраций научного знания, выраженного при помощи специфических литературных приемов (словесная живопись, создание внутренних миров персонажей, поток сознания).

В третьей концепции по классификации Эрл и Нюннинга прослеживается роль литературы в передаче культурной памяти (*literature in cultural memory*). Исследование литературы как механизма передачи культурной памяти только начинается. В рамках данного подхода ученые задаются вопросами, как именно функционирует литература в качестве средства культурной памяти и какую функцию выполняют литературные тексты в памяти культуры.

На Западе, как уже отмечалось, основным теоретиком культурной памяти является Ян Ассман, чьи идеи перекликаются с идеями, высказанными в трудах по семиотике Ю.М.Лотманом и Б.А.Успенским (см.: [Лотман, Успенский 1971: 146–166]). Этот подход основывается на понимании культурной памяти как текста. Ассман строит свою концепцию культур-

ной памяти как развитие трудов М.Хальбвакса, который показал, что память возникает лишь в процессе социализации, только при контакте с другими людьми. Поэтому «коллективная память» у Хальбвакса – не метафора. Субъектом памяти всегда остается отдельный человек, но социальные коммуникативные рамки конструируют содержание его памяти.

По Ассману, культурная память – это коллективная память носителей культуры, направленная на сохранение смыслов культуры. С точки зрения коммуникационной теории культура представляет собой коммуникационный акт, чья временная протяженность равна длительности человеческой истории. Но «культурная память» образуется только с появлением письменности, когда расширяются временные и пространственные рамки коммуникации, объемы памяти групп людей. Ассман рассматривает в основном ритуальные тексты на примере трех культур древнего Средиземноморья – Египта, древнееврейской культуры и Эллады.

Обратим внимание на то, что свои размышления о культуре как памяти Лотман ведет от свойств художественной литературы. По мнению Лотмана, культура и есть память. Он рассматривает культуру как «ненаследственную память» коллектива в качестве «надындивидуального механизма хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых». Лотман также связывает жизненность коллективной памяти с коллективом, который является ее носителем. Поэтому она внутренне не едина: «единство существует лишь на некотором уровне и подразумевает наличие частных «диалектов памяти», соответствующих внутренней организации коллективов, составляющих мир данной культуры» [Лотман 1992: 200].

Далее Лотман выделяет два различных способа хранения информации: «память информативную» и «память креативную (творческую)». Информативная память нацелена на сохранение итогов познавательной деятельности: для практического применения технической информации актуальным будет ее итоговый срез, фиксирующий информацию о новейших изобретениях. «Память этого рода имеет плоскостной, расположенный в одном временном измерении, характер и подчинена закону хронологии» [там же: 201]. Примером творческой памяти является память искусства: «Здесь активной оказывается потенциально вся толща текстов» [там же]. Актуализация литературных текстов не сводится к формуле «самый новый – самый ценный», она подчиняется сложным законам общего культурного движения. Это типичная схема культурного «забывания» и «припоминания».

Лотман, как и Ассман, заявляет, что культурная память отбирает тексты для запоминания и сохранения в зависимости от ценностей настоящего. Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т.е. хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива и «как бы перестает существовать». Меняются носители культуры, меняется парадигма памяти-забвения. Фактически тексты, достигшие по сложности своей организации уровня искусства, вообще не могут быть пассивными хранилищами константной информации, поскольку являются не складами, а генераторами. Поэтому искусство оказывается самым экономным и компактным способом хранения и передачи информации (см.: [Лотман 1998]). Тот факт, что культурная память является творческим, а не пассивным хранилищем информации становится рабочей концепцией для многих современных отечественных исследователей (см.: [Мардиева 2011]). Подход к литературе как к виду культурной памяти отличается от подхода к памяти литературы как символической системы тем, что, пересекаясь по уровням исследования и проблемным полям с исследованиями всех форм интертекстуальности, жанровой теории, канона, этот подход основывается на относительно недавних концепциях «культурной памяти» и «культуры как текста», исследует диалектику памяти и забвения.

В качестве вывода Эрл и Нюннинг предлагают взглянуть на некоторые точки взаимодействия «памяти и литературы» как на перспективы для дальнейшего оформления исследований памяти в самостоятельное направление внутри западного литературоведения. Во-первых, это ревизия традиционных концепций памяти (искусство памяти) с точки зрения современных теорий, например, таких как постструктуралистская теория интертекстуальности. Во-вторых, это налаживание диалога между отдельными подходами, например, пересечение концепций «памяти литературы» и «литературы как средства коллективной памяти». Наличие некоторых противоречий между подходами, открытый диалог между ними, плюрализм в подходе к материалу рассматриваются как несомненный плюс, как источник продуктивного развития научной мысли. В-третьих, это междисциплинарный диалог.

Три рассмотренных крупных направления являются междисциплинарными с точки зрения теории – ими активно используется методологический аппарат нелитературоведческих дисциплин очень широкого круга, от риторики до нейрофизиологии и культурологии.

Наши примеры, подобранные в качестве иллюстраций для тезисов Эрл и Нюннинга, показали, что собственно литературоведческими следу-

ет признать давно укорененные в науке о литературе исследования категории жанра как особого вида памяти литературы и в меньшей степени – исследования литературного канона, поскольку последние спровоцированы феминизмом, постколониализмом и прочими ответвлениями критической теории. Остальные рассмотренные подходы экспортируют в литературоведение идеи, концептуальный и терминологический аппарат не только пограничных гуманитарных дисциплин, но и прочих наук о человеке. Такая открытость не просто означает обогащение литературоведческих концепций извне, но также является предпосылкой для междисциплинарного применения литературоведческих исследований, для обратного «экспорта» литературоведческих концепций и усиления роли науки о литературе как составляющей памяти культуры.

Список литературы

- Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
- Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Augsburg: Im Werden Verlag, 2002. 167 с.
- Бергсон А.* Материя и память / пер. с фр. А.Баулер // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. С.414–643.
- Житенев А.А., Тернова Т.А.* Художественная инновация в «мемориальной парадигме»: «маргинальное» в осмыслении российского постмодерна // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып.3(15). С.139–146.
- Йейтс Ф.* Искусство памяти / пер. с англ. Е.В.Мальшикина. СПб.: Университетская книга, 1997. 479 с.
- Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т.1. С.200–202.
- Лотман Ю.М.* Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. С.14–285.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам. V. Тарту, 1971. С.146–166.
- Мардиева Л.А.* Коллективная культурная память общества // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып.3(15). С.202–210.
- Хализев В.Е.* Теория литературы. М.: Высш. шк., 2007. 405 с.
- Bal M.* Travelling Concepts in the Humanities: A Rough Guide. Toronto University Press, 2002. 369 p.
- Bloom H.* The Western Canon: the Books and School of the Ages. N.Y.: Riverhead, 1995. 546 p.
- Bloom H.* The Anxiety of Influence: A Theory of Poetry. Oxford University Press, 1973. 157 p.

- Burner J.* The Narrative Construction of Reality // *Critical Inquiry*. 1994. №18. P.1–21.
- Carruthers M.* The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture. Cambridge University Press, 1990. 519 p.
- Dehne C.* Der ‘Gedächtnisort’ Roman: Literarisierung von Familiengedächtnis und Zeitgeschichte im Werk Jean Rouauds. Berlin: Erich Schmidt, 2002. 350 S.
- Düsing W.* Erinnerung und Identität: Untersuchungen zu einem Erzählproblem bei Musil, Döblin und Doderer. Munich: Wilhelm Fink, 1982. 261 S.
- Ender E.* Architexts of memory: literature, science, and autobiography. The University of Michigan Press, 2005. 305 p.
- Erl A.* ‘Mit Dickens spazieren gehen’: Kollektives Gedächtnis und Fiction // Kontexte und Kulturen des Erinnerns: Maurice Halbwachs und das Paradigma des kollektiven Gedächtnis. Konstanz: UVK, 2002. S.253–65.
- Erl A., Nunning A.* Where Literature and Memory Meet: Towards a Systematic Approach to the Concepts of Memory used in Literary Studies // *Literature, Literary History and Cultural Memory* / ed. by Herbert Grabes. Nar:Tübingen, 2005. Vol.21. P.261–294.
- Ezell M.J.* Writing Women’s Literary History. John Hopkins University, 1996. 216 p.
- Foster J. K.* Memory. A Very Short Introduction. Oxford University Press, 2009. 142 p.
- Freud S.* A Note upon the “Mystic Writing Pad” // *General Psychological Theory*. Chapter XIII. Scribner Paper Fiction, 1963. P.207–212.
- Glomb S.* Erinnerung und Identität im Britischen Gegenwartsdrama. Tübingen: Gunter Narr, 1997. 276 S.
- Gregory S. Jay.* American Literature and the Culture wars. Cornell University Press, 1997. 238 p.
- Halbwachs M.* The Collective Memory. N.Y.: Harper & Row Colophon Books, 1980 [1950]. 182 p.
- James W.* The Principles of Psychology. Vol.1. Cosimo, Inc., 2007. 708 p.
- Lachmann R.* Cultural Memory and the Role of Literature, 2004. URL: http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory_Lachmann.html [дата обращения: 15.10.11].
- Lachmann R.* Memory and Literature: intertextuality in Russian Modernism. Minneapolis & London: University of Minnesota Press, 1997. 436 p.
- Loschnigg M.* ‘The Prismatic Hues of Memory...’: Autobiographische Modellierung und die Rhetorik der Erinnerung in Dickens’ David Copperfield // *Poetica* 31.1-2, 1999. 175–200 S.
- Memory Studies. Sage Journals Online, 2008. URL: <http://mss.sagepub.com/> [дата обращения: 15.10.2011]
- Middleton P.* Memory’s realism//Peter Middleton, Tim Woods. *Literatures of Memory: History, Time and Space in Postwar Writing*. Manchester University Press, 2000. 323 p.
- Nalbantian S.* Memory in literature: from Rousseau to neuroscience. Palgrave Macmillan, 2003.185 p.
- Nora P.* Between Memory and History: Les Lieux de Memoire // *Representations*. № 26. University of California Press, 1989. P.7–24.
- Palgrave Macmillan Memory Studies. 2009. URL: <http://www.palgrave.com/products/series.aspx?s=PMMS> [дата обращения: 15.10.2011]
- Renfrew A.* Towards a New Material Aesthetics: Bakhtin, Genre the Fates of Literary Theory. MHRA, 2006. 200 p.
- Rist K.* Gedächtnisräume als literarische Phänomene in der Kurzgeschichten von Elizabeth Bowen. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1999. 254 S.
- Theories of Memory: A Reader / ed. by M.Rossington, A.Whitehead. The John Hopkins University Press, 2007. 310 p.
- Whitehead A.* Memory. Routledge, 2009. 173 p.
- Wolf P.* Modernization and the Crisis of Memory: John Donne to Don DeLillo. Amsterdam & N.Y.: Rodopi, 2002. 211 p.

CONCEPTS OF MEMORY IN CONTEMPORARY LITERARY STUDIES

Olga V. Perekhodtseva

Post-graduate Student of World Literature and Journalism Department
Saratov State University

The present article offers an overview of the main concepts of memory in contemporary literary studies and attempts at their systematization, based on the critical analysis of the classification offered by the German scholars Astrid Erl A and Ansgar Nünning. Three principle approaches to the study of memory are discussed: memory of literature as a symbolic system (intertextuality as memory of literature, memory of the literary genre, canon as institutionalized memory of literary studies), representations of memory in literature and literature as a medium of cultural memory. Memory Studies are presented as a rising new approach within Humanities, determined by the discussed acute problems, and its interdisciplinary character is emphasized.

Key words: individual memory; cultural memory; collective memory; mnemonics; intertextuality; genre; literary canon.